

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации

Сборник научных трудов

Екатеринбург
Издательство Уральского федерального университета
2018

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)61

Д

Редакционная коллегия:

О. В. Горбачев, докт. ист. наук, проф. (ответственный редактор)

Л. Н. Мазур, докт. ист. наук, проф. (главный редактор)

О. С. Поршнева, докт. ист. наук, проф.

К. Д. Бугров, канд. ист. наук, доцент

А. П. Килин, канд. ист. наук, доцент

О. М. Семерикова, канд. ист. наук

Т. В. Соловьева, ст. преп.

Рецензенты:

С. Ю. Мальшева, доктор исторических наук, профессор

Казанского федерального университета

Сектор политической и социокультурной истории Института истории
и археологии УРО РАН (зав. сектором доктор исторических наук,
профессор *А. В. Сперанский*)

Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева и Л. Н. Мазур; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 558 с.

ISBN 978-5-7996-2489-7

В сборнике представлены статьи, посвященные различным аспектам советского проекта и его реализации. Большое внимание уделено идеям и мифам социалистической реконструкции, программам социальных преобразований в политической, экономической, культурной сферах, технологиям и механизмам реализации задач социалистического строительства.

УДК 94(47).084

ББК 63.3(2)61

На обложке:

Луиджи Русоло. Восстание. 1911–1913.

Гаага Гемеентмузеум. Гаага.

*Издание поддержано грантом РНФ (проект № 16-18-10106
«Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).*

ISBN 978-5-7996-2489-7

© Уральский федеральный университет, 2018

Раздел 5

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА: РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ УТОПИИ

УДК 94(47).084:33

А. П. Килин

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ: ОТРИЦАНИЕ – ПРИЗНАНИЕ – МОДИФИКАЦИЯ¹

Рассматривается трансформация товарно-денежных отношений в раннесоветском обществе на теоретическом и практическом уровнях. Соотношение плана и рынка предопределяло степень развития товарно-денежных отношений, существование которых было обусловлено объективными предпосылками (общественное разделение труда, многообразие форм собственности и внешнеэкономическая деятельность). Если в период «военного коммунизма» отрицалась значимость товарно-денежных отношений в советском обществе, то в годы нэпа их потенциал был реализован наиболее полно. В период становления мобилизационной экономики, в связи с отсутствием адекватной замены, они использовались в известных пределах после того, как были объявлены «социалистическими». В условиях автаркии, доминирования плановых начал и централизованного распределения материальных ресурсов товарно-денежные отношения сохраняют свою форму, но меняют содержание, выполняя обслуживающую роль в сфере учета и распределения, «материализуясь» исключительно в теневом секторе и во внешнеэкономических отношениях.

Ключевые слова: история, экономика, социализм, капитализм, рынок, план, товарно-денежные отношения, раннесоветское общество.

Товарно-денежные отношения (далее – ТДО) – инструмент в реализации хозяйственных задач. Это гибкий и универсальный метод, способный к трансформации как под воздействием внешних факторов

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

(государственное регулирование), так и за счет механизма саморегуляции. Процесс становления и развития ТДО длителен, так как отражает специфику хозяйственных связей (уровень развития институтов рынка, многоукладность, включенность в территориальное и отраслевое разделение труда).

Советский социализм – сын капитализма и внук феодализма: проблемы наследственности

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» [Авиамарш] – оптимистический лозунг, наглядно демонстрирующий технологию социального конструирования в советской России.

Социализм в начале XX века – теоретическая концепция, которая формировалась как антитеза капитализму. Построение «новой» модели было основано на противопоставлении со «старой». Следуя принципу «идти от противного», в новой системе старались избавиться от недостатков старой, хорошо знакомой и выстраданной, тех элементов, которые препятствовали глобальной сверхзадаче – модернизации страны. Парадокс заключался в том, что в качестве антагониста рассматривался не капитализм, достигший своей высшей, по В. И. Ленину, империалистической стадии, а перезрелый феодализм. Образчиком «кимпериализма» выступала Российская империя, в своем полном виде (как «тюрьма народов») или в образе отдельных капиталистических оазисов, представленных крупными монополистическими объединениями в бескрайней «пустыне» мелких крестьянских хозяйств. Построение новой модели хозяйствования объективно носило специфический характер, так как осуществлялось в стране, в которой доминировали патриархальные отношения; сословный строй был все еще силен; аграрный сектор производства был основным; модернизация внедрялась сверху, высокими темпами, без достаточных базовых предпосылок, при этом носила фрагментарный и очаговый характер.

Фундамент, «дно», от которого предстояло отталкиваться, был далеко от империализма, загнивание которого должно была служить основой построения социалистического общества. Логика захвата власти диктовала: «Что есть, от того и отталкивайтесь!»

Эти обстоятельства и предопределяли весьма размытые черты «светлого завтра». Благо, что череда экстремальных периодов, через которые предстояло пройти гражданам страны, отвлекала их от бесполезных теоретических дискуссий, а предлагаемые обстоятельства ориентировали на решение насущных проблем дня сегодняшнего, на выживание и адаптацию в режиме «нон-стоп». *«Суровые годы уходят, // Борьбы за свободу страны! // За ними другие приходят. // Они будут тоже трудны»* [«Собачье сердце»].

М. И. Воейков, подвергая критике существовавшую систему и отказывая ей в праве называться «социализмом», не предлагает обоснованного определения. Он пишет:

«В официальной советской литературе советское общество называлось “социалистической системой хозяйства”, в зарубежной политологической литературе – “коммунистической системой”. Однако в строго научном смысле назвать “советскую экономическую систему” социалистической, а тем более коммунистической, не представляется возможным. Ибо эта система кроме некоторых внешних параметров и элементов (равенство, экономическое планирование, распределение не по капиталу и т. п.) не соответствовала по многим важнейшим пунктам классическим представлениям о социалистическом обществе: преодоление отчуждения, ликвидация эксплуатации, свобода и демократия больше, чем формальные, социальная справедливость и фактическое равенство и т. п.» [Воейков, с. 4].

Если пользоваться аналогией, то можно сказать, что цели индустриального развития были близки идеалам «отца», однако методы достижения поставленных целей, особенно в социальной сфере, заимствовались у «деда». Сравнение «сталинской» и «петровской» модернизации в этой связи весьма показательно [Гершенкрон, с. 184–185].

План и рынок как объект научных дискуссий и экономические реалии

Степень развития ТДО была обусловлена целями развития и доминирующей моделью хозяйствования с преобладанием плановых или рыночных начал.

«Дискуссия в экономической науке по поводу альтернатив в 1920-х годах... велась в разных терминах. В начале 1920-х годов – между финансовым и производственным подходом, в середине 1920-х годов – между равновесным и плановым подходом, в конце – между генетическим и телеологическим. Отголоски этой дискуссии в тех или иных терминах и формах можно обнаружить в истории советской экономической мысли всего периода существования СССР. Например, по поводу соотношения плана и рынка в 1960-х годах» [Воейков, с. 26].

Помимо противопоставления плана и рынка, которое было сродни противопоставлению «добра» и «зла», намеренно обострялось и использовалось не только в дискуссиях экономистов, но и в качестве инструмента политической борьбы, существовал еще целый ряд дихотомий. Например, централизация и децентрализация, что, в свою очередь приводило к доминированию отраслевой или территориальной систем управления. При анализе государственного устройства важно соотношение полномочий центра и периферии, доминирование идей централизации или децентрализации (регионализма).

Советское планирование: традиции и новации

При рассмотрении экономических законов, как доставшихся в наследство от капитализма, так и новых, являвшихся завоеваниями нового строя, неизменно возникал вопрос о плановых началах, о законе плановости при социализме. В интерпретации В. И. Ленина этот закон подразумевал следующее: «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно, означала бы планомерность» [Ленин, с. 620]. Эта формулировка вызывает аналогии с термином «сбалансированное развитие», который часто используется в современной практике и, несмотря на противоречивость, воспринимается абсолютным большинством как рациональная и конструктивная идея в связи с тем, что речь идет о поступательном развитии объекта управления в долгосрочной перспективе.

Формулировка В. И. Ленина вызывает массу вопросов относительно того, действительно ли планы, разрабатываемые в СССР, отвечали требованию сбалансированности, так как планы и общенационального (ГОЭЛРО), и регионального [Генеральный план хозяйства Урала] масштабов, предусматривающие комплексное развитие, не были реализованы или не могли быть реализованы в принципе.

Основной экономической закон социализма имел гуманистическую и демократическую направленность и формулировался как «закон движения социалистической экономики, содержанием которого является обеспечение благосостояния и всестороннего развития всех членов общества посредством наиболее полного удовлетворения их постоянно растущих материальных и культурных потребностей, достигаемого путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе научно-технического прогресса» [Основной экономический закон социализма]. Обращает на себя внимание, что закон ориентирован, прежде всего, на процесс потребления, а не производства.

Истоки этой идеи можно найти не только в трудах теоретиков, но и в народной культуре. Л. С. Гребнев пишет о том, что сбалансированное развитие, которое трансформировалось в основной экономический закон социализма, свои истоки имеет в организации крестьянского хозяйства.

«Метод материальных балансов на уровне всей страны – это точная копия таких балансов в рамках одного, отдельно взятого крестьянского натурального хозяйства. Причем с точно таким же основным технологическим циклом – один год. Здесь дело не только в том, что доминирующим укладом в экономике страны были тогда именно такие хозяйства. Важнее другое: экономическая культура, органично присущая этому типу хозяйствования, распространилась снизу – от самих хозяйств – до самого верхнего уровня – страны в целом, и ее естественными носителями были если не сами крестьяне, то крестьянские дети, делавшие административные карьеры “после 1917 года”» [Гловели, Гребнев, с. 57–58].

Говорить о сбалансированном планировании в рамках советской модели хозяйствования очень сложно по нескольким причинам. Первая заключается в информационном дефиците и отсутствии достоверных сведений о реальном положении вещей. Не вдаваясь в подробности и оставляя за скобками детальную критику советской статистики, отметим, что от учета уходил значительный сектор экономики, представленный неформальным укладом, «серым» и «черным» рынками, в рамках которых наиболее полно реализовывался потенциал ТДО и которые позволяли сгладить наиболее одиозные недостатки централизованной системы распределения.

Баланс предполагает не только гармоничное сочетание между спросом и предложениям, товарной и денежной массы, но и сбалансированное развитие отдельных отраслей экономики. Очевидно, что такого баланса в рамках советской модели хозяйствования достичь не удалось. Дисбаланс аграрного и индустриального секторов, производства средств производства и потребительских товаров, неравенство в развитии социальной и производственной инфраструктуры были предопределены «экономикой инвестиций» [Гершенкрон, с. 268–269].

Баланс достигался в развитии отдельных секторов экономики, в частности, военно-промышленного комплекса. Таким образом, основной экономической закон социализма был реализован не столько в отдельно взятой стране, сколько в отдельно взятых секторах экономики. Там сосредоточивались квалифицированные кадры и достижения НТР, там добивались роста производительности труда и эти отрасли формировали образ СССР как великой державы.

Факторы существования ТДО

Обосновать возможность существования ТДО при социализме, а точнее, в переходные периоды (как от капитализма к социализму, так и во время второго «марш-броска» от социализма к коммунизму) можно, но лишь обнаружив в советском обществе следующие элементы: общественное разделение труда, наличие различных форм собственности и укладов, внешнеэкономическую деятельность, в рамках которой страна выступала участником глобального рынка. Другими словами, все те отношения, которые требуют согласования интересов различных акторов хозяйственной деятельности, использование ими общепризнанного эквивалента для организации обмена, обеспечивающего динамику экономической деятельности. Все эти признаки присутствовали не только в рыночной, планово-рыночной, но и в централизованно-плановой модели отечественной экономики.

Универсализация или примитивизация различных видов хозяйственной деятельности, огосударствление и ликвидация иных

хозяйственных укладов, автаркия и полноценная замкнутость хозяйственной системы, изолированной от вмешательства иных стран, минимизировали бы сферу ТДО, но нет уверенности в том, что совершенно искоренили бы их. Например, такая функция денег как средство накопления могла утратить свою актуальность лишь в условиях полного изобилия и отсутствия конкуренции за ресурсы.

Общественное разделение труда

В условиях рынка оно является естественным и закономерным результатом усложнения технологий, переходом к массовому производству, росту товарности. В определенных видах деятельности качественный результат может быть достижим лишь при условии, что персонал обладает специальными знаниями, порой в достаточно узкой сфере.

В советском обществе предполагалось преодолеть эту тенденцию как порождающую социальное (классовое) и имущественное неравенство. Ставились цели сглаживания различий между физическим и умственным трудом (признак информационного общества), городом и деревней, универсализации управленческих практик (через ликвидацию разницы между менеджерскими функциями и функциями рядового исполнителя), сближения производственной и посреднической функций (в результате чего торговля должна была исчезнуть). Однако достижение этих целей постоянно откладывалось, а реализация принципа «от каждого по способностям, каждому по труду», по мнению советских экономистов, предполагала баланс между мерой труда и мерой потребления. В этом виде-лась одна из причин сохранения товарно-денежных отношений:

«Материальная заинтересованность работника должна быть обеспечена механизмом материальной заинтересованности предприятия, способного формировать фонды для стимулирования передовиков, как следствие ему должны компенсироваться затраты живого и овеществленного труда, путем товарного обмена между хозяйственными единицами» [Дихтяр, с. 26].

Общественное разделение труда существовало не только между индивидуумами, вносившими различный вклад в производство, между отдельными производствами, имевшими свою, порой достаточно узкую специализацию, но сохранялось благодаря особенностям аграрного и индустриального труда, прослеживалось в специфике отдельных отраслей, питалось асимметрией регионов, которые не были равны по набору факторов производства. По этой причине полагаем, что территориально-рыночная модель региональной политики (1921–1928 гг.) не только создавала оптимальные условия для реализации потенциала территории, обеспечивала ее участие в межрегиональном, национальном и международном разделении труда, но служила питательной средой для развития ТДО [Килин, Новая экономическая политика, с. 228–230].

Многообразие форм собственности

Г. А. Дихтяр, обосновывая объективную необходимость существования торговли при социализме, говорит о многоукладной экономике переходного периода. Ссылаясь на труды Центрального статистического управления, он приводит следующие данные о количественном соотношении различных укладов:

«Из общей стоимости всей валовой продукции страны в 1923/24 г. на долю каждого уклада приходилось: мелкотоварного 51 %, социалистического – 38,5, частнокапиталистического – 8,9, государственно-капиталистического – 1,0 и натурального хозяйства – 0,6 %. Но в различных отраслях народного хозяйства соотношение экономических укладов существенно отклонялось от этих цифр. Например, по данным за 1924 г., удельный вес социалистического уклада в валовой продукции промышленности составлял 76,3 %, а в продукции сельского хозяйства – только 1,5 %» [Дихтяр, с. 9].

Рассматривая предмет политической экономии и делая вывод о том, что он заключается, прежде всего, в социальных отношениях в процессе производства, экономисты дают богатый материал для анализа специфики отдельных хозяйственных укладов. И. И. Рубин писал: «В товарно-капиталистическом хозяйстве производственно-трудовые отношения между людьми неизбежно принимают форму стоимости вещей и только в этой вещной форме и могут проявляться» [Рубин, с. 57]. По мнению М. И. Воейкова, это свидетельствует о тяготении И. И. Рубина к социальной версии стоимости, понимание стоимости не как суммы издержек по производству, а как социального отношения, аккумулирующего все аспекты рационального экономического поведения человека [Воейков, с. 12–13].

Не только и не столько технология производства предопределяет характер экономических отношений, сколько социальные связи, которые формируются между акторами хозяйственной деятельности. В этой связи можно говорить о специфике ТДО в советском обществе, об особенностях их реализации в каждом из хозяйственных укладов, об уникальном экономическом поведении индивидуума, который на протяжении своей жизни, года или дня, включался в зону действия того или иного хозяйственного уклада.

Внешнеэкономическая деятельность

На раннем, романтическом этапе революции идея мировой революции решала проблему взаимоотношений с внешним миром, который со временем должен был стать «внутренним». В связи с образованием единого, мирового государства рабочих и крестьян внешнеэкономические связи в их привычной форме исчезли, а обмен и снабжение продуктами промышленности и сельского хозяйства осуществлялись бы в

рамках единого «интернационального», глобального мирового хозяйства. Степень консолидации, как представляется, должна была быть намного теснее, чем в рамках современной Всемирной торговой организации. Как объединение производителей в единый трест или синдикат исключало необходимость в торговых связях между отдельными предприятиями, так и объединение всех стран в единое государство делало излишним заключение внешнеторговых договоров и существование конвертируемой валюты, а возможно и валюты как таковой. Такое развитие событий гарантировало бы блестящие перспективы для реализации идеи уничтожения товарно-денежных отношений. Исторический опыт показал, что эта идея и в XXI веке является утопией.

Эволюция в оценке товарно-денежных отношений

В раннесоветском обществе ТДО претерпевали радикальные изменения в течение непродолжительного времени, однако эти изменения касались в основном политической и идеологических сфер. Реальная экономика более консервативна, а экономическое поведение индивидов инерционно, оно отличается высокой степенью адаптивности, однако ориентируется на традиционные и подтвердившие свою эффективность на практике методы и приемы.

Эволюция ТДО наглядно проявляется на примере того, как оценивалась роль денег и какими видели функции торговли. Романтический и радикальный периоды сменились восстановительным, а затем наступил период реконструктивный, когда пришлось использовать казалось бы выброшенные навсегда на свалку инструменты.

Период отрицания. «Военный коммунизм» – неизбежное в образе желаемого

По мнению ряда исследователей, в том числе А. Ноува, В. И. Ленин не имел четкого представления о том, как должна работать социалистическая промышленность и лишь в 1917 г., после возвращения из эмиграции, оформляются его взгляды на производственную деятельность и планирование при новом строе. «Но на форму решительно повлияли повседневные потребности борьбы за власть. Многое из того, что он сказал и написал, читается как чистейшая демагогия» [Nove, p. 33].

Гражданская война внесла коррективы в процесс формирования модели управления. С одной стороны, она позволила продолжить начатый в годы Первой мировой войны процесс огосударствления экономики, осуществить милитаризацию всех сфер жизни общества; с другой, радикализм преобразований в русле «коммунистической» модели должен был послужить своеобразным образцом и побудить рабочее движение на Западе последовать примеру русской революции.

Б. Д. Бруцкус писал: «Период военного коммунизма доказал от противного преимущества рыночной экономики, период нэпа дал прямое тому доказательство» [Бруцкус, с. 118].

Период признания. Новая экономическая политика – рыночная по форме, социалистическая по содержанию или наоборот...

Революционный радикализм, реализованный в годы «военного коммунизма», должен был логично перерасти в форсированную модернизацию первых пятилеток. Однако этого не произошло, напротив, случился нэп². Его можно сравнить с отдачей после выстрела, когда орудие откатывается назад, т.е. как «отступление»; с другой стороны, этот маневр позволил укрепить власть большевиков, поэтому может быть рассмотрен как этап в становлении раннесоветского общества. «Проживание» в достаточно короткий срок всех рыночных драм и сюжетов должно было не только решить меркантильную задачу – восстановить хозяйство страны, но провести ряд экспериментов. Среди них: апробирование возможности эволюционного развития и естественного вызревания экономических предпосылок для построения в России нового общества; определение соотношения рыночных и плановых начал; фиксация пределов, в рамках которых было возможно игнорировать объективные экономические законы в процессе достижения политических целей; оценка возможностей внеэкономического принуждения.

Свертывание ТДО в годы «военного коммунизма» – более глубинная архаика, нэп – менее архаичная, но, тем не менее, традиционалистская модель. Был ли в этот период реализован «государственный капитализм»? Большой вопрос, так как структура хозяйства не соответствовала этой модели. Б. Д. Бруцкус высказывал обоснованные сомнения на этот счет:

«Иностранные наблюдатели обычно называют государственные предприятия “государственно-капиталистическими” и, соответственно, всю советскую экономику в годы пятилетки государственным капитализмом. Мы считаем эти ярлыки обманчивыми, так как получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы» [Бруцкус, с. 118].

Легализация частной предпринимательской деятельности и проведение денежной реформы являются наиболее значимыми показателями роли ТДО в период нэпа.

² Примечательно, что «военный коммунизм» при написании мы помещаем в кавычки, ставя под сомнение адекватность названия сущности процесса, обособляя этот период от подлинного коммунизма – без кавычек. При этом новая экономическая политика таких сомнений не вызывает и пишется без кавычек, хотя степень ее новизны, пожалуй, стоило поставить под сомнение, поскольку она реализовывалась при активном использовании ретроинноваций. Это была «старая политика», которая использовалась во благо нового режима.

Период модификации. Мобилизационная модель экономики – форсированная модернизация с низких стартовых позиций

Три пятилетних плана, которые существенно отличаются друг от друга, сформировали модель мобилизационной экономики, атрибутивные черты которой в еще большей степени стали очевидны в годы Второй мировой войны. Феномен «социальной мобилизации» детально проанализирован в коллективной монографии отечественных историков, с выводами которых можно только солидаризироваться [Социальная мобилизация].

Этот период характеризуется существенной трансформацией ТДО, выхолащиванием сути, но сохранением формы. М. И. Воейков отмечает:

«Советская хозяйственная действительность, особенно второй половины 1920-х гг. требовала натурализации. Переход к ускоренной индустриализации и мобилизационной экономике в целом требовал ограничения рыночного саморегулирования, выхолащивания товарно-денежных отношений, низведения денег, цены и других экономических категорий к простым учетным единицам. Советская идеология, отворачиваясь от реальности, твердила о социальной однородности труда, социальном равенстве в советском социализме» [Воейков, с. 15].

Полагаем, что потребность в аккумуляции объективно ограниченных ресурсов на нужды индустриализации не позволяла использовать инструмент ТДО, так как была реализована внеэкономическими методами. С другой стороны, необходимость активизировать «человеческий фактор» привела к отказу от идей эгалитаризма, допущение торговли наряду с повсеместным распределением. Трудно согласиться с мнением о «свободе торговли» в 1930-е гг. в связи с тем, что «свобода» не может быть реализована в условиях тотального дефицита и перманентно возникающих кризисов снабжения. Рыночные каналы скорее всего были призваны продемонстрировать наличие товаров широкого потребления и доказать преимущества социализма, по крайней мере для тех граждан, которые были наиболее активно включены в его строительство. Эти же каналы использовались для аккумуляции валютных ценностей, все еще находившихся в распоряжении населения. Дефицит ресурсов не позволял обеспечить обещанными накануне революции благами все население, поэтому происходила активная стратификация и фрагментация социальной структуры общества, формировались дискриминируемые социальные группы, на фоне которых ограниченный «набор» как товаров, так и гражданских прав остальной части насе-

ления смотрелся уже не так ущербно. Формировалась «армия труда» призванная работать на принципах внеэкономического принуждения и неэквивалентной оплаты труда.

Механизм хозяйствования советского периода характеризовался рядом отличительных («социалистических») черт, которые абсолютизировались и гарантировали специфику ТДО:

1. Планирование хозяйственной жизни осуществлялось в виде директив, обязательных для исполнения и пронизывающих все сферы деятельности и уровни управления.

2. В экономике отсутствовало свободное согласование интересов производителей и потребителей продукции, они были «закреплены» друг за другом. При этом планирование связей происходило в рамках Госплана по отраслевому принципу, централизованно.

3. Существенно ограничивалась сфера использования ТДО. На внутреннем рынке отсутствовала кредитная система, коммерческий кредит, рынок свободных капиталов. Денежное обращение функционировало на уровне потребительского и внешнего рынков.

4. Проводилась жесткая ценовая политика, предполагавшая регламентацию ценообразования, зачастую без учета реальных затрат на производство продукции. «Плановые убытки» компенсировались из бюджета.

5. Ресурсы, распределяемые государством, выступали по преимуществу в вещественной, а не денежной форме, в виде материальных фондов» [см.: Килин, «Антигосударственная» или «реальная» практика хозяйствования?, с. 231].

Таким образом, ТДО в советском обществе приобрели специфический характер и к «классическому» варианту приближались только вынужденно, только в том случае, когда в большей степени необходимо было реализовывать рыночный потенциал. При этом акторы хозяйственной деятельности были независимы, а контроль над ресурсами был не тотальным. Эти условия формировались на фоне необходимости включения во внешнеэкономическую деятельность и участия в глобальном разделении труда. Примечательно, что дискуссии о роли ТДО не прекращались на протяжении всего советского периода, а их завершение наступило лишь с началом рыночных реформ. К сожалению, в тонкости рыночного хозяйства была посвящена лишь незначительная часть граждан России, поэтому основы ТДО в 1990-е гг. абсолютному большинству пришлось осваивать на собственном опыте. Этот опыт, как правило, был тяжелым, что отразилось в общественном сознании в образе «лихих девяностых». Полагаем, что становление ТДО в современной России столь же про-

тиворечиво и несет на себе черты как советского периода («отца»), так и «деда» (капитализм) и «прадеда» (феодализм).

Авиамарш. Музыка Ю. А. Хайта, слова П. Д. Германа (1923).

Бруцкус Б. Результаты экономического планирования в России / Бруцкус Б. Советская Россия и социализм. Статьи. СПб., 1995.

Воейков М. И. Советская политическая экономика: оценки и переоценки // Проект «Направления критики современной экономической теории и проблема ее базовых предпосылок». Материалы к круглому столу «Критика советской политэкономии: направления и контексты» [Электронный ресурс] // Институт экономики Российской академии наук. URL: https://inecon.org/docs/Vojeykov_paper_20131010.pdf (дата обращения: 10.07.2018).

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927.

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А. А. Белых; пер. с англ. А. В. Белых. М., 2015.

Гловели Г. Д., Гребнев Л. С. Политэкономика СССР: критические очерки. М., 2013.

Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М., 1961.

Клиин А. П. «Антигосударственная» или «реальная» практика хозяйствования? (Синарский трубный завод в 1950-е годы) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 222–245.

Клиин А. П. Новая экономическая политика как модель управления: проблема интерпретации // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 222–231.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений в 55 т. Изд. 5-е. Т. 3. М., 1971.

Основной экономический закон социализма // Большая советская энциклопедия: [в 51 т.] / гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. М., 1949–1958. Т. 31. С. 305.

Рубин И. И. Очерки по теории стоимости Маркса: С новым дополнением к статье «Ответ критикам» / И. И. Рубин. 4-е изд. М., 1929.

«Собачье сердце». Телевизионный фильм. Киностудия «Ленфильм». Режиссер Владимир Бортко. 1988 г.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов [и др.]; отв. ред. С. А. Красильников. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.

Nove A. An Economic History of the USSR, 1917–1991. 3rd ed. London–New York, 1992.